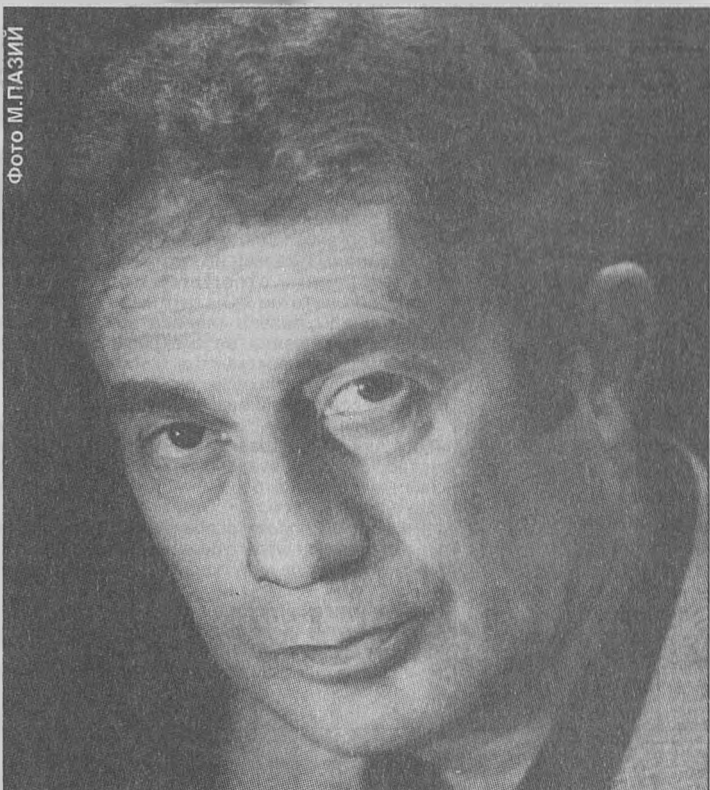

Мы все время проторговываемся

Культура — 1997 — 15 мая — С. 3

Вопросы перемещенных во время второй мировой войны культурных ценностей являются камнем преткновения не только для законодательных органов. Как показывают опросы общественного мнения, ими живо интересуются наши рядовые граждане. А уж для творческой интеллигенции определиться со своей позицией стало просто делом чести. Наш собеседник — писатель, фронтовик Григорий Яковлевич БАКЛАНОВ.

Фото М. ПАЗИИ

- Я не уверен, что у нас кто-либо когда-либо задавался целью учесть все наши потери. Я не говорю о разрушенных храмах, музеях, исторических памятниках — это и так видно. Но ведь исчезло огромное количество частных коллекций. Это тоже статья реституции. Почему-то по отношению к нам никогда не возникает вопроса, были ли у нас частные коллекции. И сколько их было. Нам говорят, что мы должны вернуть коллекции западных собирателей. Я полностью с этим согласен. Почему голландец или, скажем, датчанин должен страдать оттого, что фашистские захватчики ограбили его, а мы забрали себе ценности, ему принадлежащие. О реституции нельзя говорить только с точки зрения политических выгод. Как это делается сегодня, когда мы рассуждаем, как выгоднее говорить с Колем: что нам могут дать, что не дадут, удобно ли это для Президента или нет. Почему мы всегда пригибаемся, боимся попасть в неудобное положение и стараемся выглядеть покрасивше — как будто мы бедные родственники? Мне как-то в разговоре сказал один посольский работник, это было во время объединения двух Германий: "Если бы мы сказали, что согласны на объединение, они бы в тапочках зимой прибежали и все отдали!" Мы все время проторговываемся. Потому что не знаем ни своих потерь, ни своих богатств. А они о своем все знают досконально. Только на основе справедливого учета можно говорить о реституции.

— Как вы относитесь к позиции руководителей думского комитета по культуре?

— Я недоумеваю, когда Губенко, к примеру, кричит: "Молодые ребята лежат за Волгой, а от нас требуют возврата ценностей". Здесь нет связи. Не надо демагогии. Но не нужно и политиканст-

ва. Мы просто должны предъявить полный список наших потерь.

— Что в первую очередь нужно для этого сделать?

— Да просто опросить людей — кто что потерял. Сохранились ведь семейные предания. Люди сами придут. А сейчас от имени народа и государства говорят только те, кто наверху. А кто им дал право? Люди должны предъявить свой счет. Вы помните хоть один случай, чтобы кто-нибудь из граждан заявил о своих потерях? Мы по-прежнему, как и в старые времена, не интересуемся мнением простых людей.

— Выходит, что обмен культурными ценностями — дело не ближней перспективы?

— Похоже, что это так. Сегодня я не вижу реальных способов, чтобы договориться. Здесь очень много болевых точек. Для многих людей это даже не вопрос обмена. Рассуждают ведь как: они пришли, ограбили, разрушили, убили, а им еще что-то отдавай. По-своему они, конечно, правы. В каждой российской семье есть эти болевые точки. Из моей семьи на войну ушли восемь человек, а вернулись четверо. На этом очень легко играть спекулянтам.

— В разговорах с деятелями культуры и искусства частенько слышишь, что, мол, у России есть более насущные проблемы, не надо раздражать еще и этим...

— Этот вопрос будоражит только потому, что он неверно подается в обществе. В том числе и средствами массовой информации. В России реституцией занимаются пока только политики. Нужно объяснять людям, о чем идет речь. Когда объяснишь, люди задумываются, начинают иначе, более здраво, относиться к проблеме.

Беседу вел
Игорь ВАЛЕНТИНОВ